

Мир науки. Педагогика и психология / World of Science. Pedagogy and psychology <https://mir-nauki.com>

2020, №1, Том 8 / 2020, No 1, Vol 8 <https://mir-nauki.com/issue-1-2020.html>

URL статьи: <https://mir-nauki.com/PDF/17PSMN120.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Бохан Т.Г., Шабаловская М.В., Бородич Ю.В., Терехина О.В., Ульянич А.Л. Культуральная обусловленность структуры социальной идентичности у студентов, обучающихся в поликультурной среде университета // Мир науки. Педагогика и психология, 2020 №1, <https://mir-nauki.com/PDF/17PSMN120.pdf> (доступ свободный).
Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

For citation:

Bokhan T.G., Shabalovskya M.V., Borodich Yu.V., Terekhina O.V., Ul'yanich A.L. (2020). Cultural conditionality of the social identity structure among students studying in the multicultural university environment. *World of Science. Pedagogy and psychology*, [online] 1(8). Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/17PSMN120.pdf> (in Russian)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта «Становление идентичности как психологического фактора субъективной оценки качества жизни у молодежи в поликультурной среде университетов (кросскультурные исследования)» (грант № 19-413-700007)

УДК 159.9

ГРНТИ 15.21.51

Бохан Татьяна Геннадьевна

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет», Томск, Россия
Заведующий кафедрой «Психотерапии и психологического консультирования»
Доктор психологических наук, профессор
E-mail: btg960@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9628-1470>

РИНЦ: http://elibrary.ru/author_profile.asp?id=166268

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/O-1353-2014>

Шабаловская Марина Владимировна

ФГБОУ ВО «Сибирский государственный медицинский университет» Минздрава России, Томск, Россия
Доцент кафедры «Фундаментальной психологии и поведенческой медицины»
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет», Томск, Россия
Доцент кафедры «Психотерапии и психологического консультирования»
Кандидат психологических наук
E-mail: m_sha79@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2622-3491>

РИНЦ: http://elibrary.ru/author_profile.asp?id=540415

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/S-3794-2016>

Бородич Юлия Витальевна

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет», Томск, Россия
Магистрант
E-mail: yulya.julia1994@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4256-7641>

Терехина Ольга Владимировна

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет», Томск, Россия
Старший преподаватель кафедры «Психотерапии и психологического консультирования»
Кандидат психологических наук
E-mail: doterekhina@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0964-9175>

РИНЦ: http://elibrary.ru/author_profile.asp?id=787077

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/F-1362-2019>

Ульянич Анна Леонидовна

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет», Томск, Россия
Доцент кафедры «Психотерапии и психологического консультирования»
Кандидат психологических наук

E-mail: fiale@ya.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3154-3756>

РИНЦ: http://elibrary.ru/author_profile.asp?id=600058

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/F-3459-2014>

Культуральная обусловленность структуры социальной идентичности у студентов, обучающихся в поликультурной среде университета

Аннотация. Статья посвящена выявлению особенностей этнической и идеологической идентичности, их взаимосвязей в структуре социальной идентичности у студентов различных этнокультурных групп в поликультурном пространстве университета. Существует предположение, что этнический и идеологический компоненты в структуре социальной идентичности студентов различаются в силу культуральной обусловленности и могут претерпевать определенные трансформации в поликультурном пространстве образовательной среды. В исследовании участвовали 141 студент (48 участников – представители российской культуры, 45 участников – представители европейской культуры (итальянцы, французы, англичане, испанцы) и 48 участников – представители китайской культуры). Использовались психодиагностические методики: опросник «Кто Я?» (М. Кун, Т. Макпартленд, модификация Т.В. Румянцевой), опросник «Типы этнической идентичности» (Г.У. Солдатова, С.В. Рыжова), опросник «Шкала идеологической эго-идентичности» (OMEIS-R, Дж.Р. Адамс, адаптированный Т.А. Гавриловой и Е.В. Глушак). Определено, что для студентов всех этнокультурных групп характерна позитивная этническая идентичность. Социальная идентификация более значимо представлена в структуре идентичности российских студентов. Установлены различия в показателях идеологической идентичности, что указывает на разную степень активности и кризисности развития идентичности у студентов культурных групп, при этом более высокие показатели всех статусов идентичности выявлены у студентов китайской выборки. Определены содержательные особенности факторной структуры социальной идентичности в культуральных группах студентов.

Ключевые слова: социальная идентичность; этническая идентичность; гипоиентичность; гиперидентичность; идеологическая эго-идентичность; поликультурная среда; студенческая молодежь

Введение

Проблема идентичности молодежи в поликультурной среде ВУЗа становится особенно актуальной в связи с увеличением миграционной активности студентов, приезжающих в Россию. В паспорте проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования»¹ на 2017–2025 гг. одной из приоритетных задач является привлечение иностранных студентов, в связи с чем, поток студентов из других стран будет только

¹ Паспорт приоритетного проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования». Утвержден президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам (протокол от 30.05.2017 № 6). Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/DkOXervfAnLv0vFKJ59ZeqTC7ycla5HV.pdf> (дата обращения: 09.09.2019).

усиливаться. В вузах Томской области получают высшее образование студенты из 58 иностранных государств; граждане иностранных государств составляют 21,1 % среди студентов очной формы обучения всех образовательных организаций высшего образования, включая филиалы иногородних вузов². Поликультурная образовательная среда, с одной стороны, способствует формированию национальной идентичности личности, формирует и развивает этническую осведомленность и навыки межкультурного взаимодействия, с другой стороны, полиэтничное пространство даже в благоприятных ее проявлениях может приводить к межгрупповой напряженности [1–3]. С учетом фактора этничности в поликультурном образовательном пространстве особо актуализируются вопросы изучения социальной идентичности у студенческой молодежи, которая в условиях образовательной миграции может являться одним из определяющих психологических факторов качества жизни студенческой молодежи в межэтнической образовательной среде [4; 5].

Обзор литературы

На современном этапе развития науки социальная идентичность представляет собой динамичное, сложное явление, обеспечивающее приобретение и усвоение индивидом норм, идеалов, ценностных установок и социальных ролей определенной социальной группы [6]. *Изучая идентичность Э. Эриксон ввел понятие «психосоциальной идентичности», подразумевая под ней результат взаимодействия индивида и общества, «интеграцию переживаний человеком тождественности с самим собой и с социальными группами, внутреннюю «непрерывность самопереживания индивида», «длящееся внутренне равенство с собой», «важнейшую характеристику целостности личности» [7].* Согласно теории социальной идентичности А. Тэшфела, осознание своей принадлежности к группе – основной способ поиска личностью своего места в мире. В теории Тэшфела прослеживается идея множественной идентичности, свидетельствующая о том, что индивид может одновременно осознавать свою причастность многим социальным группам, поскольку он точно так же одновременно играет в жизни не одну, а много социальных ролей [8]. С учетом разных оснований идентификации выделяют национальную, политическую, профессиональную, этническую, религиозную (верующий, колеблющийся между верой и неверием и т. п.), культурную и идеологическую [6].

Этническая идентичность рассматривается, как вид социальной идентичности [9; 10]. При этом исследователи отмечают, что это одна из наиболее сложных и дискуссионных тем. «Этническая идентичность – это не только принятие определенных групповых представлений, готовность к сходному образу мыслей и разделяемые этнические чувства. Это также построение системы отношений и действий в различных этноконтактных ситуациях, когда субъект определяет свое место в многонациональном обществе» [11, с. 49]. Под влиянием внешних и внутренних факторов этническая идентичность может актуализироваться и претерпевать определенные трансформации. По мнению Г.У. Солдатовой [12] условием устойчивости и стабильности этнической общности в поликультурной среде является позитивная этническая идентичность, представляющая собой баланс толерантного отношения к своей и другим этническим группам, однако могут происходить изменения относительно позитивной идентичности в направлении как ее ослабления (гипоидентичности), так и ее усиления (гиперидентичности). Установлено, что межкультурное разнообразие в структуре социального взаимодействия является основой терпимости к проявлению разного рода инаковости [13].

² Томская область. Официальный интернет-портал Администрации Томской области. Режим доступа: <https://tomsk.gov.ru/Nauchno-obrazovatelyniy-kompleks> (дата обращения: 11.10.2019).

К важному виду социальной идентичности исследователи [6; 14] относят и идеологическую идентичность. По мнению Е.С. Поляковой «Идеологическая идентичность – это духовное состояние индивида (социальной группы, общества), определяемое его принятием ценностей и установок какой-либо идеологии и выражающееся в действиях, регламентированных системой идейных ориентаций» [15]. Под идеологическим компонентом эго-идентичности Дж.Р. Адамсом понимается идентичность, которая отражает ценности и установки индивида, связанные с политикой, религией, профессиональной деятельностью, основные принципы и взгляды на образ жизни [16]. Критериями, определяющими идеологическую идентичность, в исследованиях Дж.Р. Адамса стали статусы идентичности [17]. Исследования показали динамичный характер идентичности – что хорошо сформированная идентичность может подвергаться дальнейшим прогрессивным и регрессивным преобразованиям в возрастной динамике [18; 19], а также «возможно «переключение» с одного статуса идентичности на другой (прогресс или регресс) в ответ на определённые серьёзные жизненные изменения и обстоятельства» [20]. Однако, как отмечает М.Д. Verzonsky (2005), хорошо интегрированная структура идентичности индивида обеспечивает личную систему координат для принятия решений и интерпретации опыта и информации, имеющей к нему отношение, это позволяет сохранять чувство самосознания, тождественности и непрерывности, несмотря на случайные события и перемены в жизни [20, с. 125]. Дж. Марсиа подчёркивал, что идентичность индивида развивается на протяжении всей его жизни и зависит от разных факторов, в том числе таких, как образование [20]. Е.С. Поляковой также на основании проведенных исследований отмечается роль системы образования в формировании идеологической идентичности, которая предстает как естественный и даже необходимый процесс [15].

Мы предполагаем, что: этнический и идеологический компоненты в структуре социальной идентичности студентов различаются в силу культуральной обусловленности и могут претерпевать определенные трансформации в поликультурном пространстве образовательной среды; характер взаимосвязи этнической и идеологической идентичности может оказывать влияние на особенности межкультурного взаимодействия в условиях образовательной миграции. **Цель** исследования заключалась в выявлении особенностей этнической и идеологической идентичности, их взаимосвязей в структуре социальной идентичности у представителей студенчества, представляющих различные этнокультурные группы в поликультурном пространстве университета. Реализация данной цели позволит, определить наиболее чувствительные для студенческой молодежи психологические факторы, затрудняющие или способствующие успешному вхождению в поликультурное образовательное пространство, а также мишени и задачи психолого-педагогического сопровождения процесса образовательной миграции с учетом культурального фактора.

Материалы и методы

Использована шкала «Социальное Я» опросника «Кто Я?» (М. Кун, Т. Макпартленд, модификация Т.В. Румянцевой), направленная на выявление содержательных характеристик социальной идентичности личности, включающая показатели обозначения пола, учебно-профессиональной позиции, семейной принадлежности, этнической, мировоззренческой идентичностей, групповой принадлежности; опросник «Типы этнической идентичности» [21], диагностирующий этническое самосознание и доминирующую склонность к одному из шести типов этнической идентичности (этнонигилизм, этническая индифферентность, норма, этноэгоизм, этноизоляция, этнофанатизм); опросник «Шкала идеологической эго-идентичности» (OMEIS-R, Дж.Р. Адамс, адаптированный Т.А. Гавриловой и Е.В. Глушак) [14], определяющий структуру идеологической эго-идентичности. Статистическая обработка

данных осуществлялась в программе IBM SPSS Statistics 24. Используются: описательные статистики, критерий Колмогорова-Смирнова, корреляционный анализ критерием Пирсона, факторный анализ методом Варимакс с нормализацией Кайзера.

Выборка респондентов: В исследовании приняли участие 141 человек в возрасте от 19 до 24 лет, студенты 3-х и 4-х курсов бакалавриата и магистранты первого года обучения факультетов психологии, химического, иностранных языков, филологии и юридического института НИ ТГУ. Выборка разделена на 3 группы по культурной принадлежности: 48 участников относятся к представителям российской культуры, 45 человек – представители европейской культуры (итальянцы, французы, англичане, испанцы) и 48 студентов – представители восточной, в данной группе китайской культуры.

Результаты исследования и их обсуждение

Как показали результаты исследования особенностей этнической идентичности, представленные нами в статье [22], многие студенты всех этнокультурных групп имеют выраженную позитивную этническую идентичность, проявляющуюся в сочетании позитивного отношения к собственному этносу с позитивным отношением к другим этносам. При этом у большинства из них отмечена общая тенденция к размыванию этнической идентичности, отхода от идентификации по этническому признаку и поиска устойчивых идентификационных категорий не по этническим критериям, для многих студентов не характерна этноидентификация по типу гиперидентичности. Сравнительный анализ показал, что на уровне статистической тенденции, этнонигилизм наиболее характерен для выборки дальнего зарубежья в то время, как этноэгоизм, этноизоляция, этнофанатизм более выражен у представителей китайской выборки.

Показатель Социального «Я», отражающий идентификацию с полом, учебно-профессиональной ролевой позицией, семейной принадлежностью, оказался значимо более представленным в структуре идентичности студентов российской выборки (табл. 1).

Таблица 1

Средние значения и значимость различий показателей Социального «Я» в трех эмпирических группах

Шкалы	Российские студенты (n = 48)	Европейские студенты (n = 45)	Китайские студенты (n = 48)	χ^2	p
Социальное «Я»	5,2 ± 3,4	1,33 ± 1,06	2,06 ± 1,9	19,92	0,000

Согласно описательной статистики данных по идеологической эго-идентичности, (табл. 2) можно заметить, что в группах российских и европейских студентов средние значения «Диффузной идентичности», «Моратория идентичности», «Достигнутой идентичности» соответствуют среднему уровню выраженности, среднее значение «Принятой идентичности» – низкому уровню. В группе китайских студентов средние значения всех видов идеологической эго-идентичности соответствуют среднему уровню выраженности. Низкий уровень «Принятой идентичности» в российской и европейской выборках может указывать на то, что многие респонденты имеют стремления к самостоятельному формированию системы ценностей, убеждений и обязательств, не сходными с родительскими, что значимо в меньшей степени свойственно для респондентов китайской выборки, большинство которых выражают возможность принятия ценностей ближайшего окружения как своих собственных. Остальные статусы идентичности во всех эмпирических группах студентов не имеют выраженной принадлежности к определенному типу идеологической идентичности.

Сравнительный анализ с помощью критерия Краскела-Уоллиса показал (табл. 2), что статистически значимые различия между тремя выборками имеются во всех четырех видах

идеологической эго-идентичности. Более высокие показатели всех статусов идентичности у китайской выборки. Средние – у выборки европейских студентов и самые низкие – у представителей российской выборки.

Таблица 2

**Средние значения и результаты критерия Краскела-Уоллиса
для показателей идеологической идентичности в трех эмпирических группах**

Шкала идеологической эго-идентичности	Российские студенты (n = 48)	Европейские студенты (n = 45)	Китайские студенты (n = 48)	χ^2	p
Диффузная идентичность	26,94 ± 6,34	28,84 ± 4,8	30,67 ± 4,83	9,56	0,008
Принятая идентичность	18,09 ± 6,04	23,49 ± 8,14	26,38 ± 7,48	9,56	0,008
Мораторий идентичности	27,91 ± 5,61	29,53 ± 5,74	31,83 ± 4,70	25,46	0,000
Достигнутая идентичность	27,81 ± 5,8	31,24 ± 4,33	31,87 ± 4,36	16,66	0,000

С помощью корреляционного анализа были выявлены следующие взаимосвязи между этнической и идеологической идентичностью. В российской группе определена одна значимая средняя положительная корреляционная взаимосвязь между диффузной идеологической эго-идентичностью и этнической индифферентностью ($r = 0,409$, $p < 0,01$). Данные результаты могут свидетельствовать о том, что несформированность убеждений, системы ценностей, отсутствие потребности в поиске своих взглядов на политику, религию, образ жизни взаимосвязаны с неопределенностью этнической принадлежности, неактуальностью этничности в процессе самоопределения для некоторых респондентов данной группы. Учитывая, что этническая идентичность формируется через интериоризацию исторически сложившихся и трансформирующихся в определенной степени под влиянием изменяющейся макросреды культурных ценностей, мы можем предположить, что, если этническая идентификация не является значимым ориентиром, то нет смысловой основы и активности для выработки собственной системы принципов, ценностей, жизненных целей. Такие люди не находились в состоянии кризиса (поиска) идентичности или оказались неспособными решить возникшие проблемы, что отражается в формировании у них негативных психических состояний, миграционной готовности.

Значимые средние и слабые положительные корреляции в группе представителей европейской культуры были выявлены между: принятой идеологической идентичностью и этнонигилизмом ($r = 0,316$, $p < 0,05$), этноэгоизмом ($r = 0,446$, $p < 0,01$), этноизоляцией ($r = 0,295$, $p < 0,05$); достигнутой идеологической идентичностью и этнофанатизмом ($r = 0,326$, $p < 0,05$). Показатель Социального «Я» обнаружил обратные корреляционные связи с этнонигилизмом ($r = -0,369$, $p < 0,05$) и нормой этнической идентичности ($r = -0,314$, $p < 0,05$). Наиболее сильной, по сравнению с другими, оказалась взаимосвязь принятой идеологической идентичности с этноэгоизмом. Полученные данные могут указывать на то, что формирование идеологической идентичности путем не осознанного, не переработанного принятия системы ценностей от близкого (культурного) окружения взаимосвязано с крайними деструктивными формами этнической идентичности, особенно по типу гиперидентичности (этноэгоизм), который отражает склонность к деструктивному отношению к представителям других этнических групп, убежденность в превосходстве своего народа. Гипоидентичность и гиперидентичность являются отклонением от нормы и могут активизировать деструктивные стратегии поведения в межличностном взаимодействии [23]. Относительно выявленных слабых значимых корреляций, которые требуют дополнительной проверки, можно предположить следующее. Положительная взаимосвязь достигнутой идеологической идентичности и этнофанатизма, возможно, указывает на то, что усиление тенденции приоритета этнических интересов в ущерб другим взаимосвязано с собственными самостоятельно сформированными убеждениями и системой лично значимых ценностей у представителей европейской культуры. Отрицательные значимые связи «Социального Я» с

этнонигилизмом и нормой этнической идентичности, предположительно могут свидетельствовать о том, что в случае ограниченности социальной идентификации себя молодые люди не идентифицируют в себе в том числе и свою этническую принадлежность, что может отражаться в толерантном, или скорее в безразличном отношении, как к своей культурной группе, так и к другим этносам.

В группе китайской выборки выявлены значимые более сильные, средние и слабые положительные корреляции: между диффузной идеологической идентичностью и этнонигилизмом ($r = 0,296$, $p < 0,05$) и этноэгоизмом ($r = 0,344$, $p < 0,05$), между принятой идеологической идентичностью и этнонигилизмом ($r = 0,480$, $p < 0,01$), этноэгоизмом ($r = 0,496$, $p < 0,001$), этнофанатизмом ($r = 0,419$, $p < 0,01$), этноизоляцией ($r = 0,471$, $p < 0,01$). Также выявлена значимая средняя обратная взаимосвязь достигнутой идеологической идентичности и этнофанатизма ($r = -0,402$, $p < 0,01$). Наиболее сильные, по сравнению с другими, взаимосвязи позволяют предположить, что у китайских студентов гиподентичность как отход от собственной этнической группы и поиск других актуальных критериев для своей социально-психологической идентификации, а также гиперидентичность, связанная с усилением таких деструктивных форм, как этноэгоизм, этнофанатизм и этноизоляция, могут сопровождаться формированием системы ценностей и убеждений, принятой без собственной личностной переработки, рефлексии, путем идентификации с родителями или другими значимыми лицами. Как отмечается в некоторых исследованиях [13; 23], этнонигилистические тенденции отражают нежелание поддерживать этнокультурные ценности. Могут проявляться в ощущении неполноценности, ущемленности, стыда за представителей своего этноса, негативизма по отношению к ним. Отрицание как один из общих защитных механизмов при этом типе идентичности может активизировать общую агрессивность. В то же время тенденция размывания этнической идентичности отмечается во всех группах студентов и, вероятно, может быть связана с их взаимодействием в едином поликультурном образовательном пространстве вуза. Поликультурное пространство университета может стать условием «средовой идентичности». Как отмечают исследователи в области социальной психологии, такая идентификация порой более очевидна, чем отнесение себя к определенной социальной группе – среда воспринимается как существенная характеристика социального бытия человека [8; 24]. Ее показателем является процесс наделения «своей» среды определенными предпочтениями и стереотипами, особыми символами, рассмотренными в качестве позитивных характеристик «средовой идентичности» [8]. Показатель достигнутой идеологической идентичности имеет отрицательную выраженную корреляцию с этническим фанатизмом, возможно, свидетельствующую о том, что при наличии крайней формы этнической гиперидентичности, для которой характерно признание исключительности своего этноса, приоритета этнических прав народа над правами человека в целом, снижается формирование собственной, уникальной системы личностных ценностей и убеждений у респондентов китайской выборки.

С целью проверки рабочих гипотез, выдвинутых на основании обнаруженных корреляционных взаимосвязей, а также для выявления характера представленности собственно социального, идеологического и этнического компонентов в структуре социальной идентичности у представителей культурных групп был проведен факторный анализ методом Варимакс с нормализацией Кайзера, в результате которого выявлены следующие факторы в структуре социальной идентичности.

В группе студентов российской выборки выделилось 4 значимых фактора (общая дисперсия 64,3 %) (табл. 3).

Таблица 3

Результаты факторного анализа у респондентов российской выборки

Шкалы	Факторы			
	1	2	3	4
Этнонигилизм				
Этноиндифферентность			0,713	
Позитивная этническая идентичность (норма)		0,686		
Этноэгоизм	0,850			
Этноизоляциялизм	0,843			
Этнофанатизм	0,747			
Диффузная идентичность			0,873	
Принятая идентичность		0,693		
Мораторий идентичности		0,665		
Достигнутая идентичность				0,706
«Социальное Я»				0,783

Первый фактор, имеющий 21,9 % кумулятивной дисперсии, представленный положительными связями шкал этнической идентичности «Этноэгоизма», «Этноизоляции» и «Этнофанатизма», условно назван **«Гиперидентичность»**. Второй фактор, имеющий 15 % кумулятивной дисперсии, наполнен значимыми положительными связями шкал «Принятая идентичность», «Позитивная этноидентичность» и «Мораторий идентичности». На основании связей этих показателей данный фактор получил условное название **«Позитивное отношение к собственному народу и к другим народам, как принятая культурная ценность и возможность поиска собственных убеждений»**. Третий фактор (14,6 % кумулятивной дисперсией) представлен положительными связями шкал «Этноиндифферентности» и «Диффузной идентичности», в связи с этим данный фактор получил название **«Неопределенность собственной системы ценностей и убеждений, в том числе, связанных с этнической принадлежностью»**.

Четвертый фактор (12,8 % кумулятивной дисперсии), условно названный **«Значимость социальной идентификации и определенность системы лично значимых ценностей и убеждений»**, объединил шкалы «Достигнутой идентичности» и «Социального Я».

Таблица 4

Результаты факторного анализа у респондентов европейской выборки

Шкалы	Факторы		
	1	2	3
Этнонигилизм	0,690		
Этноиндифферентность		0,603	
Позитивная этническая идентичность (норма)		0,703	
Этноэгоизм	0,833		
Этноизоляциялизм	0,794		
Этнофанатизм	0,771		
Диффузная идентичность			0,642
Принятая идентичность	0,633		
Мораторий идентичности			0,871
Достигнутая идентичность			
«Социальное Я»		-0,722	

В группе студентов представителей европейской выборки (табл. 4) выделилось 3 значимых фактора (общая дисперсия 57,6 %). Первый фактор, имеющий 28,9 % кумулятивной дисперсии, названный условно **«Деструктивная этноидентичность идентичность как фактор принятой и лично не переработанной системы идеологических ценностей и убеждений»**, объединил шкалы «Этнонигилизм», «Этноэгоизм», «Этноизоляциялизм», «Этнофанатизм», «Принятая идентичность». Второй фактор (15,7 % кумулятивной дисперсии)

представлен положительными связями шкал «Этноиндифферентность», «Позитивная этноидентичность» и отрицательной связью шкалы «Социальное Я». Данный фактор получил условное название «**Неопределенность и не актуальность социальной идентичности**». Третий фактор (13 % кумулятивной дисперсии) наполнен значимыми положительными связями шкал «Диффузная идентичность» и «Мораторий идентичности» и имеет условное название «**Отсутствие определенной и устойчивой системы ценностей и убеждений как основание кризиса идентичности и поиска его разрешения**».

Таблица 5

Результаты факторного анализа у респондентов китайской выборки

Шкалы	Факторы		
	1	2	3
Этноиндифферентность			
Этнонигилизм			
Позитивная этническая идентичность (норма)	-0,644		
Этноэгоизм	0,848		
Этноизоляция	0,841		
Этнофанатизм	0,858		
Диффузная идентичность		0,765	
Принятая идентичность		0,794	
Мораторий идентичности		0,812	
Достигнутая идентичность		0,631	
«Социальное Я»			0,842

В группе студентов китайской выборки (табл. 5) выделилось 3 значимых фактора, объясняющих 65 % общей кумулятивной дисперсии. В первый фактор (30 % дисперсии), условно названный «**Гиперидентичность как негативный фактор позитивной этноидентичности**», вошли шкалы с положительной нагрузкой «Этнофанатизм», «Этноэгоизм», «Этноизоляция», и с отрицательной нагрузкой «Позитивная этноидентичность». Второй фактор (23,5 % дисперсии) представлен положительными связями показателей идеологической идентичности по шкалам «Диффузная идентичность», «Принятая идентичность», «Мораторий идентичности», «Достигнутая идентичность», и условно названный «**Развитие идеологической идентичности**». Третий фактор (11,5 % дисперсии) представлен одной переменной «**Социальное Я**» и имеет соответствующее название.

Результаты факторного анализа в основном подтвердили рабочие гипотезы, выдвинутые на основе результатов корреляционного анализа, и позволили выявить различную структуру социальной идентичности по критериям количества компонентов, их смысловому содержанию, по характеру представленности идеологического, этнического и собственно социального компонентов социальной идентичности у представителей различных культурных групп. Так, структура социальной идентичности представителей российской выборки характеризуется четырьмя факторами, которые объясняют достаточно высокий процент дисперсии – 64 %. Самый большой процент кумулятивной дисперсии приходится на фактор, который представлен только характером этноидентичности – «гиперидентичностью», показатели которой (этнофанатизм, этноизоляция, этноэгоизм) в выборке российских студентов оказались значимо менее выраженными, по сравнению с другими группами. То есть можно сказать, что для каждого пятого респондента российской выборки характерна гиперидентичность. Далее по процентной выраженности кумулятивной дисперсии стоит фактор, представленный связью идеологического и этнического компонентов идентичности – «**позитивное отношение к своему народу и другим, как принятая культурная ценность и возможность поиска собственных убеждений**». Данный фактор в структуре социальной идентичности указывает «принятие» как на механизм формирования позитивной этнической идентичности, которая, в свою очередь, может составлять основу для поиска и определения собственной личностно значимой и

осознанной системы идеологических ценностей и убеждений. Также связь идеологического и этнического компонентов представлена в факторе «размывание, не актуальность этнической идентичности и неопределенность собственной системы ценностей и убеждений», который прямо соотносится и подтверждает роль интериоризации культурных ценностей в формировании этнической идентичности, которая является важным фактором для конструирования собственной определенной системы идеологических принципов, ценностей и убеждений. Четвертый фактор в структуре социальной идентичности у российских студентов наполнен связью значимости социальной идентификации и определенностью личностно значимых целей, ценностей и убеждений. В данном случае именно определенность идентичности позволяет ставить конкретные цели, реализация которых в социальном пространстве позволяет идентифицировать себя как носителя определенной социальной роли, что и отражается в количественных элементах «социального Я» идентичности студентов.

Структура социальной идентичности студентов европейской выборки представлена тремя факторами, которые в своей совокупности объясняют также достаточно большой процент дисперсии – 58 %. В процентном соотношении доминирует фактор, указывающий на связь этнического и идеологического компонентов идентичности – «связь деструкций этноидентичности с принятой системой идеалов, ценностей и убеждений», который свидетельствует, что деструкции в этноидентичности по типу гипо и гиперидентичности могут быть взаимосвязаны с усвоенной без личностной переработки системой сложившихся в окружающей социальной среде ценностей. Второй фактор социальной идентичности указывает на «неопределенность и не значимость социальной идентификации» для некоторых студентов данной выборки, которые проявляют этническую индифферентность и позитивно настроены к своим и другим. Третий фактор в структуре социальной идентичности представлен взаимосвязями статусов идеологической идентичности, которые указывают на то, что отсутствие определенной системы ценностей может являться основанием для кризиса и поиска его разрешения у определенных представителей европейской выборки.

В группе китайских студентов структура социальной идентичности (в достаточно высоком проценте дисперсии – 65 %) включает три значимых фактора, среди которых наиболее представленным (30 %) оказался фактор этноидентичности, свидетельствующий об обратной связи гиперидентичности и позитивной этнической идентичности. То есть при более выраженном положительном отношении, как к своему народу, так и другим народам снижается деструктивные проявления гиперэтноидентичности – этноэгоизм, этноизоляция и этнофанатизм. Как и, наоборот, при усилении гиперидентичности, формируются риски непринятия, как своего народа, так и роста враждебности в отношении других. Как отмечается в исследованиях [23; 25], при гиперидентичности возрастает вероятность воздействия и противодействия. Противодействие как тип межэтнического взаимодействия наблюдается в том случае, когда представители этноса «встречаются с чем-то новым, необычным, нетрадиционным, в частности с непривычным складом мышления, иными нравами и порядками, альтернативными взглядами» [25]. При любом типе этнической идентичности недостаточное владение чужим языком, неумение «считывать» невербальные признаки неудовольствия окружающих, непонимание групповых норм объективно и ожидаемо вызывает реакцию противодействия [26]. Кроме того, новая образовательная среда, являющаяся стресс фактором, может усиливать групповую сплоченность по этническому и национальному признаку. Исследования показывают, что при изменении социальной ситуации, может меняться идентичность мигрантов [27]. Так Г.У. Солдатова отмечает [28], что этническое самосознание мигрантов может разрушаться, деформироваться или усиливаться, что проявляется в отказе от ценностей собственной этнической группы, этническом нигилизме или этноэгоизме, национальном фанатизме. Данную тенденцию следует учитывать при определении задачи и методов психолого-педагогического сопровождения, направленного на

развитие эффективной межкультурной коммуникации, возможности самореализации студентов в поликультурном образовательном пространстве университета.

Второй по процентному весу дисперсии оказался фактор, объединяющий положительными связями все статусы идеологической идентичности, что может указывать на отсутствие доминирования определенного статуса идеологической идентичности и возможность кризиса, состояния поиска собственного решения, не смотря на различные формы образования идеологической идентичности у китайских студентов. Полученные данные подтверждают исследования [29] относительно того, что в этом возрасте происходит активный процесс самоидентификации, и молодые люди чаще находятся в ситуации активного проживания кризиса идентичности и поиска его разрешения независимо от этнической принадлежности. Как отмечает В.С. Мухина [30], студенческий период это активное становление мировоззрения, иерархии ценностей, а также личностной и социальной идентичности. Выявленный вышеуказанный фактор дает основание для необходимости рефлексивной работы по определению и аргументации собственных ценностей и убеждений в различных формах психолого-педагогического сопровождения образования иностранных студентов в поликультурной среде университета. Третьим значимым фактором в структуре социальной идентичности оказался фактор социального Я, указывающий на социальное пространство личностной идентификации. Анализ содержания элементов социального Я у студентов китайской группы позволяет выявить значимые социальные сферы, социальные роли и референтные социальные группы для собственной социальной идентификации студентов данной культурной группы. Полученные данные также могут служить важным материалом для построения индивидуальных траекторий собственного развития в условиях поликультурной образовательной среды. Только у китайских студентов все компоненты (идеологический, этнический и собственно социальный) оказались не связаны между собой, а выступающими отдельными факторами в структуре социальной идентичности. Ссылаясь на модель идентичности А. Ватермана, согласно которой «формирование идентичности – не единичный акт, а серия взаимосвязанных выборов, посредством которых человек принимает свои личные цели», а также учитывая, что «развитие идентичности не является линейным процессом, оно может идти вспять, т. е. возвращаться на более низкий уровень» [31], мы можем предположить, что в группе китайских студентов значимость наиболее выражено отмечается развитие, процесс поиска идеологической идентичности. Менее выражено, более пассивно этот процесс проявляется в группе российских студентов, для которых в меньшей степени свойственно ориентироваться на ценности предшествующих (родительских) поколений, но и менее выражены все другие статусы идентичности, указывающие на динамику развития собственной идентичности.

Важным ресурсным фактором для развития идентичности у многих студентов всех культурных групп является позитивная этническая идентичность, именно она «формирует определенное **социальное самочувствие** человека и позволяет ему ощущать себя комфортно в окружающей его социальной реальности» [31] и служит основанием для стратегии межкультурного взаимодействия. П. Бергер и Т. Лукман делают вывод: «...идентичность как элемент субъективной реальности находится в динамической взаимосвязи с состояниями общества, она формируется в процессе освоения индивидом социального мира, одновременно проявляющего себя в нем и усваивающего этот мир в качестве значимой реальности» [8]. Поликультурная среда университета как существенная характеристика социального бытия студентов в условиях образовательной миграции может стать определяющим условием развития социальной идентичности, той «средовой идентичности», которая, как указывалось выше, становится более значимой, чем отнесение себя к определенной социальной группе [15; 31].

Выводы

1. Многие студенты всех этнокультурных групп имеют позитивную этническую идентичность, тенденцию к отходу от идентификации по этническому признаку и поиск устойчивых идентификационных категорий не по этническим критериям, не выраженность гиперидентичности. Тенденции, связанные с этнонигилизмом, более характерны для европейских студентов, с гиперэтнической идентичностью – для представителей китайской выборки.

2. Социальная идентификация, отражающая идентификацию с полом, учебно-профессиональной ролевой позицией, семейной принадлежностью более значимо представлена в структуре идентичности российских студентов.

3. Большинство респондентов российской и европейской групп стремятся к самостоятельному формированию системы ценностей, убеждений и обязательств, не сходными с родительскими, что менее свойственно для респондентов китайской выборки, большинство которых выражают возможность принятия ценностей ближайшего окружения как своих собственных. Выраженной принадлежности к определенному статусу идеологической идентичности не обнаружено во всех группах, более высокие показатели всех статусов идентичности у китайской выборки, средние – у выборки европейских студентов и самые низкие – у представителей российской выборки, что может указывать на разную степень активности и кризисности развития идентичности у студентов культурных групп.

4. Выявлены содержательные особенности факторной структуры социальной идентичности в культуральных группах студентов, обучающихся в поликультурном образовательном пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Родионова И.В. Поликультурная образовательная среда как предмет научного исследования // Центральный научный вестник. 2017. Т. 2. № 6 (23). С. 12–13.
2. Бучек А.А. Полиэтническая среда и ее влияние на этническое самосознание личности [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2011. № 5 (19). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 10.11.2019).
3. Филипченко С.Н., Матвеева А.А. Особенности воспитания культуры межнациональных отношений иностранных студентов университета // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 27 (4). С. 496–502.
4. Шамионов Р.М. Теоретические подходы к этнопсихологическим и кросс-культурным исследованиям субъективного благополучия личности // Вестник РУДН. 2016. №1. С. 7–20.
5. Umaña-Taylor A.J., Kornienko O., Bayless S.D., Updegraff K.A. A Universal Intervention Program Increases Ethnic-Racial Identity Exploration and Resolution to Predict Adolescent Psychosocial Functioning One Year Later // Journal of Youth and Adolescence. 2018. № 47(1). Pp. 1–15. DOI 10.1007/s10964-017-0766-5.
6. Гладышева В.А. Идеологическая идентичность в современном российском обществе: социально-философский анализ: автореферат дис. ... кандидата философских наук: 09.00.11 / Гладышева Вера Александровна. Ростов-на-Дону, 2012. 29 с.

7. Соловьева С.Л. Идентичность как ресурс выживания // Медицинская психология в России. 2018. Т. 10. № 1(48). С. 1–13.
8. Андреева Г.М. К вопросу о кризисе идентичности в условиях социальных трансформаций [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2011. № 6 (20). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 14.12.2019).
9. Шергалиева М.Т. Этническая идентичность как вид социальной идентичности // Вестник СГТУ. 2014. № 3 (76). С. 207–211.
10. Персидская О.А., Евдокимов А.И. Разные виды идентичности у этнических групп Сибири: опыт сопоставления выводов социологических исследований // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 10 (72). С. 137–141.
11. Гришина А.В., Лунин С.Л. Типы этнической идентичности российской молодежи как показатель позитивной готовности к принятию вынужденных мигрантов из Украины // Российский психологический журнал. 2015. Том 12, № 2. С. 46–55.
12. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998.
13. Солдатова Г.У., Чигарькова С.В., Кулеш Е.В., Тихомиров М.Ю. Этносоциальные и личностные предикторы направленности межкультурной коммуникации у жителей российских городов с различным этническим составом населения // Психологические исследования. 2018. Т. 11. № 62. С. 8. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 10.11.2019).
14. Гаврилова Т.А., Глушак Е.В. К вопросу об адаптации методики объективного измерения статуса Эго-идентичности Дж.Р. Адамса // Психологическая диагностика. 2009. № 5. С. 53–65.
15. Полякова Е.С. Идеологическая идентичность и ценности образования [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 1. С. 395. URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=8282> (дата обращения: 14.12.2019).
16. Adams G.R., Shea J., Fitch S.A. Toward the development of an objective assessment of ego-identity status // Journal of Youth and Adolescence. 1979. 8(2), pp. 223–237 DOI: 10.1007/BF02087622.
17. Marcia J.E. Identity and Psychosocial Development in Adulthood // An International Journal of Theory and Research. 2002. 2(1) pp. 7–28 DOI: 10.1207/S1532706XID0201_02.
18. Kroger J., Martinussen M., Marcia J. Identity status change during adolescence and young adulthood // Journal of Adolescence. 2010. 33(5). pp. 683–698. DOI: 10.1016/j.adolescence.2009.11.002.
19. Meeus W., Schoot R., Keijsers L., Schwartz S.J., Branje S. On the progression and stability of adolescent identity formation: a five-wave longitudinal study in early-to-middle and middle-to-late adolescence // Child Development 2010. 81(5). pp. 1565–1581 DOI: 10.1111/j.1467-8624.2010.01492.x.
20. Парамузов А.В., Несмеянова Р.К. Создание и анализ психометрических свойств опросника «Статус управленческой идентичности» // Организационная психология. 2019. Т.9. № 3. С. 120–152.

21. Психодиагностика толерантности личности / Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А., Прокофьева Т.Ю. и [др.]; под ред. Г.У. Солдатовой, Л.А. Шайгеровой. М.: Смысл, 2008. 172 с.
22. Бохан Т.Г., Шабаловская М.В., Бородич Ю.В., Терехина О.В., Ульянич А.Л. Особенности личностной и этнической идентичности студентов в аспекте кросскультурного сравнения // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 4. С. 962–973. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-962-973>.
23. Овчинникова Т.М. Трансформация этнической идентичности в условиях полиэтнической образовательной среды // Гуманитарные исследования. 2017. № 3 (16). С. 33–37.
24. Augoustinos M., Walker I. Social cognition. An integrated introduction. London: SAGE, 1995. P. 346.
25. Крысько В.Г. Этническая психология [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/krusko/02.php (дата обращения 12.11.2019).
26. Коновалов А.Ю. Работа медиатора службы примирения с конфликтом с межэтническим контекстом // Школьные службы примирения в регионах России. Профилактика межэтнических конфликтов. М.: Юрист, 2014. С. 19–34.
27. Шоркина Н.А. Социальная и личностная идентичность мигрантов // Современная социальная психология: теоретические подходы и прикладные исследования. 2012. № 2. С. 91–95.
28. Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А. Психологическая адаптация вынужденных мигрантов // Психол. журн. 2002. №4. С. 66–81.
29. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис = Identity: Youth and Crisis: перевод с английского: учебное пособие: пер. с англ. / Э. Эриксон. 2-е издание. Москва: Флинта: МПСИ: Прогресс, 2006. 352 с.
30. Мухина В.С. Возрастная психология: феноменология развития. 10-е изд., перераб. и доп. М.: Академия, 2006. 608 с.
31. Антонова Н.В. Проблема личностной идентификации в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии // Вопросы психологии. 1996. № 1. С. 131–143.

Bokhan Tat'yana Gennadievna

National research Tomsk state university, Tomsk, Russia
E-mail: btg960@mail.ru

Shabalovskya Marina Vladimirovna

Siberia state medical university, Tomsk, Russia
National research Tomsk state university, Tomsk, Russia
E-mail: m_sha79@mail.ru

Borodich Yulya Vitalievna

National research Tomsk state university, Tomsk, Russia
E-mail: yulya.julia1994@mail.ru

Terekhina Olga Vladimirovna

National research Tomsk state university, Tomsk, Russia
E-mail: doterekhina@mail.ru

Ul'yanich Anna Leonidovna

National research Tomsk state university, Tomsk, Russia
E-mail: fale@ya.ru

Cultural conditionality of the social identity structure among students studying in the multicultural university environment

Abstract. The article is devoted to identifying the characteristics of ethnic and ideological identity, their interconnections in the structure of social identity among students of various ethnic and cultural groups in the multicultural space of the university. There is an assumption that ethnic and ideological components in the structure of students' social identity differ due to cultural conditionality and may undergo certain transformations in the multicultural space of the educational environment. The study involved 141 students (48 participants-representatives of Russian culture, 45 participants-representatives of European culture (Italians, French, English, Spanish) and 48 participants-representatives of Chinese culture). Psychodiagnostic methods were used: the questionnaire "Who Am I?" (M. Kuhn, T. Mcpartland, modification of T.V. Rumyantseva), questionnaire "Types of ethnic identity" (G.U. Soldatova, S.V. Ryzhova), questionnaire "Scale of ideological ego-identity" (OMEIS-R, G.R. Adams, adapted by T.A. Gavrilova and E.V. Glushak). It is determined that students of all ethnocultural groups are characterized by a positive ethnic identity. Social identification is more significantly represented in the identity structure of Russian students. Differences in indicators of ideological identity were established, which indicates a different degree of activity and crisis of identity development among students of cultural groups, while higher indicators of all identity statuses were found in the Chinese sample of students. The content features of the factor structure of social identity in the cultural groups of students are determined.

Keywords: social identity; ethnic identity; hypoidentity; hyperidentity; ideological ego-identity; multicultural environment; students